

Посвящается Нони

Тебя сильно любили.

По тебе сильно тоскуют.

*Ты (и твой Ромео) живы
в наших воспоминаниях*

Пролог

Когда Уилл Стерлинг впервые увидел Нору Кларк, он едва мог видеть вообще.

Из прохладной тени раскидистого клена, к которому он прислонился в тот солнечный день, весь окружающий мир виделся ему расплывчатым: зеленые, но бесформенные листья кроны над ним, скучно-темная мебель с нечеткими углами на участке слева, высокое, песочного цвета здание напротив; черные двери всех квартир казались бледно-серыми, расплывчатыми прямоугольниками, выходящими на деревянные балконы, которые, если не прищуриться, шли в глазах волнами.

Он уже привык к этой расплывчатости, или, может, ему и не пришлось привыкать. Уилл даже не помнил времени, когда ему не нужно было щуриться, чтобы четче видеть предметы, хотя знал, что все становится еще хуже. Знал, что сидеть на втором ряду в школе больше не помогало, что в прошлом году он иногда выходил с третьего урока — английской литературы, единственной дисциплины, куда они ходили вместе с Кейтлин, которой нравилось сидеть на дальнем ряду, — с пульсирующей головной болью. Уилл знал,

что чистая белая кожа бейсбольного мяча стала краеугольным камнем, что лучше всего он различал ее на фоне ясного голубого неба, а это значит, что в облачные дни от тренера ему доставалось по первое число.

Он знал, что едва ли может сказать, улыбается ли его мать, если не подойдет к ней вплотную.

Но... очки? Уилл Стерлинг в очках? На поле в этих огромных запотевших спортивных окулярах, как у Брэндона Тенни?

Он не мог примириться с этой мыслью, пока нет. Так что весь прошлый год обманывал школьную медсестру на проверке зрения: списывал с тетради соседа, а не с доски или экрана, сперва — как он надеялся, вежливо и очаровательно — спросив на это разрешение. Он держал кулачки за ясные дни.

Ненадежные глаза Уилла вернулись к расплывчатому черному прямоугольнику, который он старался рассмотреть поближе: именно через него его так бесцеремонно выпроводили двадцать минут назад.

— Жди снаружи, — сказала мать резким, незнакомым тоном, означавшим, что день у нее явно пошел не по плану. Двух с половиной часовая поездка в Чикаго, где Уилл никогда раньше не был, обещание ничего не говорить отцу, и ни единого слова предупреждения о том, что они будут стоять в темном коридоре на первом этаже этого многоквартирника и мать постучит в дверь с почти хамской настойчивостью.

— Это твой дядя, — сказала мать, когда дверь открыл совершенно незнакомый низкий мужчина с грудью колесом. Уилл стоял достаточно близко, и глаза его находились на подходящем уровне, чтобы заметить, как рот мужчины на миг приоткрылся, но затем замкнулся, а челюсть напряглась.

— Мой брат, — мягко добавила мать, в ее тоне проскользнула какая-то эмоция.

«У тебя есть брат?» — подумал он в замешательстве, мысли плавали, но он протянул мужчине — своему дяде — руку, чтобы пожать.

— Я Уилл, — произнес он автоматически, вежливо, радуясь тому, что за последние месяцы, после того как ему исполнилось пятнадцать, голос почти перестал ломаться. Уиллу он сам показался куда взрослее и увереннее, чем он ощущал себя на самом деле.

Но мужчина — его дядя, дядя, о котором он *никогда не слышал*, — не пожал ему руку. Даже не взглянул на него. Он только уставился на мать Уилла так, будто увидел призрака или кого-то живого, но вернувшегося с того света.

В квартире, где пахло сигаретами и тем же средством для полировки мебели, что использовала его мать, никто даже не порывался сесть, никто не произнес ни слова. Его дядя — Донни, наконец сказала мать, поскольку мужчина не выразил интереса в дальнейшем знакомстве, — стоял у коричневого кресла (бугристого, но плохо различимого ненадежными глазами Уилла), засунув руки глубоко в карманы джинсов. Мать осталась стоять у двери, и Уилл тоже. Она ждала, думал он, пока ее искренне, радушно пригласят.

Но даже Уилл мог видеть, что этого не будет.

— Не при твоём ребенке, — сказал наконец Донни. Это были первые его слова, услышанные Уиллом.

«Твой ребенок», — повторил Уилл про себя. Он всегда умел слушать и сразу все понял. Может, этот Донни и был дядей Уилла, но точно не собирался становиться с ним одной семьей, так что Уилл пытался убедить себя, что все в порядке. В конце концов, он был единственным ребенком и до этого момента думал, что его родители тоже были единственными детьми. У остальных в его школе были бабушки, дедушки, братья и сестры, всегда большие семей-

ные праздники. Но дом Стерлингов был маленьким, немногочисленным. Лишь они втроем. Ни кошки, ни собаки, ни даже золотой рыбки, чтобы ничего не усложняло жизнь.

Уилл почувствовал, как шея у него покраснелась, в животе погорячело, а мышцы рук напряглись. В последнее время он легко заводился, быстро зверел. Когда его не занимали мысли о девушках — в основном Кейтлин, но, если честно, взгляд у него блуждал еще как, — он становился угрюмым, легко отвлекался и замыкался в себе. Если учитель говорил правду, то все это часть взросления, но в то же время Уиллу казалось, что у этой сбивающей с толку вспыльчивости есть причина. Пусть ему всего пятнадцать, но он уже выше этого странного Донни, к тому же он качается для бейсбола. И ему не нравилось, когда с мамой говорили так резко.

Но затем мама указала ему на дверь, сказав ждать на улице, — и его просто ошарашили эти слова... этот приказ. Дома его родители всегда вели себя расслабленно, дружелюбно, даже немного рассеянно, и Уиллу казалось, будто это был не столько метод воспитания, сколько желание уделить больше времени друг другу и их взаимной, иногда утомительной привязанности, зато... ему разрешали ложиться позднее, чем другим детям, он мог не спрашивать разрешения на все подряд и не показывать выполненную домашнюю работу каждый вечер или не предупреждать, что он поздно вернется домой с тренировки.

Так что Уилл, шокированный — ситуацией, каждым мгновением, которое к ней привело, — вышел. Через заднюю дверь вместо передней — тот самый расплывчатый черный прямоугольник, который он сейчас рассматривал. Зрение и яркое июльское солнце не позволили бы ему увидеть, что происходит внутри,

поэтому, выйдя, он притворил только экран, а стеклянную дверь оставил открытой. Стоя на шатких деревянных досках, Уилл повернулся налево и сделал пару мелких, шатких шагов с террасы. Пересек нагретую солнцем лужайку к раскидистому, слишком крупному для этого двора дереву.

И стал ждать.

Попытался сконцентрировать глаза и ум.

Почему ему никогда не рассказывали о том, что у него есть дядя? Почему мать приехала сюда — и привезла Уилла, — не сказав отцу? Почему, если задуматься, дома в последнее время было как-то тихо, а мама с папой мрачнели и чаще стали запирались от него в спальне, отмахиваясь от всех вопросов, когда наконец выходили?

Может, кто-то другой сказал бы, что дело идет к разводу. У многих в команде Уилла родители были в разводе, у одного и вовсе была жуткая ситуация: с судом, социальными работниками, отцом и матерью, которые постоянно соревновались друг с другом, даже на трибуне во время игр. Но Уилл слишком хорошо знал своих родителей, чтобы подозревать их в расставании. Стерлинги любили друг друга, любили так, что от всех их тайных, обычно улыбочивых взглядов друг на друга и близости, когда они сидели рядом, от их прикосновений, шепотков и поцелуев Уилл иногда чувствовал себя третьим лишним. Как нежеланная собака, кошка или золотая рыбка.

Как помеха.

— Эй! — прервал его мысли голос откуда-то сверху. Девчачий голос.

Даже по такому краткому и обыденному восклицанию он показался Уиллу прекрасным. Словно первые ноты смеха.

Он поднял голову — рефлекторно, в предвкушении.

А затем... она и правда рассмеялась. Смех вырвался в воздух над ним, спустился по балкону, как ветви плюща, заставив Уилла замереть, а его юношеское сердце сбиться с ритма так, как этого не случалось прежде. Позже, намного позже, когда он позволил себе задуматься об этом дне, дне, в который почти вся его жизнь переменялась, он вспомнил, что только голос этой девушки показался ему чем-то знакомым посреди странного двора дома, где его только что обнаруженный дядя говорил с его матерью, грустной, скрытной, раздраженной и напуганной. Он показался таким знакомым и приветливым, что Уилл на несколько мгновений даже забыл, каким странным был весь его день в целом. И, как ни стыдно это признать, он совершенно забыл о Кейтлин.

— Эй, — повторила девушка уже громче и снова засмеялась. Он оттолкнулся от дерева и шагнул к навесу, чтобы увидеть ее... или увидеть что-то, предположительно бывшее ею.

«Расслабься», — сказал он себе, откинув прядь волос со лба. Он полагал, что с верхних этажей его не видно, но совершенно ясно...

— Убирайся оттуда! — крикнула она, как только он вышел из тени. Уилл замер. Второй приказ за день? Определенно нетипично, но в этот раз он понятия не имел, чем провинился.

Но потом.

Потом он увидел ее.

Третий этаж, справа. Ее расплывчатый — ну конечно же, расплывчатый — силуэт, но небо за ней было ярко-голубым, и расплывчатость с таким же успехом могла быть вызвана ее движениями. Она размахивала руками, длинный жгут прямых каштановых волос, забранных в хвост, перевесился через плечо, обтянутое белоснежной футболкой. Из-за бортиков балкона

ног девушки не было видно, но Уилл понимал, что она прыгает — по дергающемуся хвосту и звуку глухих ударов о деревянные половицы.

— Давай, давай! — вопила она, и он уже почти отступил, теряя весь свой дух от шока и досады, что его так... прогоняют. Особенно она. Но заметив, как два мохнатых коричневых силуэта — с извивающимися за ними пушистыми хвостами — соскочили с балкона на линию проводов, которая пересекала двор, и пронеслись мимо него, Уилл с облегчением и счастьем понял, что девушка кричала не на него.

Она кричала на...

— Белки, Нонна! — вопила она через плечо расплывчатому черному прямоугольнику у себя за спиной, и он нахмурился, подивившись второму слову. Он его раньше не слышал. Уилл осторожно шагнул вперед. Он сощурился и разглядел, что ее лицо было овальным. Она уперлась руками в бока, повернулась к убегающим белкам, как будто хотела удостовериться, что они и правда убегают. Если до этого сердце у него сбилось с ритма, то теперь оно заколотилось с какой-то отчаянной быстротой.

При знакомстве с Кейтлин все было не так. Все было не так и при встрече со многими другими девочками, в кого он влюблялся за последние пару лет. В этот раз было иначе. В его сердце и в голове.

Она вздохнула, резко и раздраженно, уронив руки и наклонившись вперед, чтобы что-то рассмотреть.

Уилл только сейчас обратил внимание, что окружало ее на балконе: из щелей досок и козырька выглядывала зелень. Очертания девушки потеряли ясность, и он стал проклинать зелень и свое зрение. Как он поймет, если она на него посмотрит? Может, она и сейчас его видит, через все эти доски и растения? Надо придумать, что ей сказать. Может, Уиллу

стоит спросить о белках? Или узнать, что такое «нонна»? Можно ли придумать фразу, которая не превратит его в сталкера-извращенца, кем он сейчас, скорее всего, и выглядит?

Он немного хмыкнул, удостовериться, что голос не сломается, — и девушка тут же выпрямилась.

Может, просто надо поздороваться. Это ведь не странно, да?

Он открыл было рот, чтобы сказать «привет», но его что-то... стукнуло. Прямо по макушке. Он потянулся к голове, но в него снова что-то попало, а затем еще раз. Не больно, не сильно. Скорее как первые капли дождя. Пали, отскакивая от него, на землю.

Она в него чем-то кидалась?

Стук, стук, стук. В волосах было что-то теплое и влажное. Впервые с той минуты, как он услышал ее голос, Уилл посмотрел вниз. У ног его лежали ярко-красные шарики, он поднял один из них. Идеальные зрелые помидорки черри со следами укусов двух бесстрашных белок, за которыми гналась девушка на балконе. Кажется, впервые за долгие часы он улыбнулся. Поднял еще несколько, хотя девушка продолжала сбрасывать во двор наполовину изъеденные плоды. Уилл выпрямился, держа ладони чашечкой на уровне пояса, и посмотрел вверх: лицо девушки было устремлено в другую сторону. Они швыряла эти домашние, городские, выросшие на балконе помидорки, даже не глядя, но Уиллу почему-то еще больше захотелось подойти к ней и познакомиться.

Он прошел к черному прямоугольнику задней двери. Однако не стал подниматься на балкон дяди, а встал у лестницы, думая, что с этой точки его будет лучше видно... и ее будет лучше видно. Он бы позвал ее. Сказал бы: «Эй», — прямо как она сказала кому-то другому. Спросил бы: «Ты, кажется, что-то урони-

ла?» — а затем улыбнулся и поднял руки с помидорками. Он надеялся, что у нее достаточно хорошее зрение, чтобы разглядеть семена помидоров у него в волосах.

Но тут он услышал голос матери из-за экрана, из-за черного расплывчатого прямоугольника, о котором он уже и позабыл.

— Нам нужна помощь, — говорила мать. — Мы с мужем, оба... молим тебя о помощи.

В третий раз за день сердце Уилла переменяло ритм.

Он заставил себя вслушаться, застыть без движения. Если девушка сейчас смотрела на него, она могла бы принять его за статую. Декор лужайки для ловли помидоров, которого она раньше не замечала.

Но в те долгие, роковые минуты, пока Уилл слушал разговор матери с дядей, о котором никогда прежде не слышал, и кожа его покрывалась испариной от шока, девушка его не волновала.

Позже он вспоминал, как громко и резко прекратился их диалог: мать на повышенных тонах назвала Донни жестоким, упрямым и сказала, что он еще пожалеет о своем решении. Что если позволит ей сейчас уйти, то никогда больше не увидит ни ее, ни Уилла.

Позже он вспоминал тишину в ответ.

От этой тишины он опустил руки, едва заметив, как помидоры падают на землю. Он пошел к лестнице, за своей матерью, хотел узнать, сработал ли ультиматум, но мама опередила его: открыла экран и выбежала из квартиры вся побледневшая. Вблизи Уилл заметил слезы у нее на щеках. Пройдя мимо, она даже не взглянула на него, но он сразу понял.

Сразу понял: она знает, что Уилл все слышал.

Он последовал за ней к машине, поняв, что впервые за долгое время едва может за ней угнаться,